

ПЛЁНКИ ИЗ ПРОШЛОГО

РУСЛАН МАХМУДОВ

Руслан Махмудов

Плёнки из прошлого

«Автор»

2026

Махмудов Р.

Плёнки из прошлого / Р. Махмудов — «Автор», 2026

Разбирая архив нью-йоркского фотографа, журналистка Анна Уорд находит негативы, которые могут изменить судьбу человека, осуждённого тридцать лет назад. На снимках — её отец, уважаемый правозащитник и кандидат на высшую судебную должность штата. И улика, появившаяся на месте преступления после первого осмотра. До открытия выставки остаётся месяц. Анна начинает проверку, надеясь найти объяснение. Но каждый новый документ приближает её к правде, которую всё труднее вынести. Промолчать — значит сохранить семью и оставить невиновного за решёткой. Опубликовать расследование — разрушить репутацию отца и доверие самых близких людей. «Плёнки из прошлого» — психологический триллер о любви к человеку, совершившему непоправимое, и выборе, последствия которого придётся принять.

© Махмудов Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Папка без номера	6
Глава 2. Второй осмотр	9
Глава 3. Чужая подпись	12
Глава 4. Двадцать девять лет	16
Глава 5. Контактный лист	20
Глава 6. Семейный ужин	23
Глава 7. Мастерская	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Руслан Махмудов

Плёнки из прошлого

ПЛЁНКИ ИЗ ПРОШЛОГО

Психологический триллер

Глава 1. Папка без номера

На фотографии отец держал чужую отвёртку.

Анна узнала его раньше, чем поняла, что именно видит. Ему было около тридцати пяти. Тёмные волосы, слишком длинные для человека с его нынешними привычками, рубашка с закатанными рукавами. Галстук отведён за плечо, чтобы не мешал. Так он делал дома, когда чинил дверцу кухонного шкафа: мать каждый раз просила сначала переодеться, а он отвечал, что это займёт минуту.

Здесь он стоял в комнате с облупленной стеной и смотрел вниз. В правой руке — прозрачный пакет. Сквозь него проступали стержень и тёмная рукоятка.

Анна отняла лупу от глаза.

На световом столе лежала узкая полоска негатива, шесть кадров. На негативе свет и тень поменялись местами, но лицо отца уже невозможно было принять за другое.

— Нашла что-нибудь? — спросила Рут от двери.

Анна повернула голову. Рут Розен держала две чашки, поставленные одна в другую. Между ними застряла ручка ложки. В комнате пахло пылью, нагретым пластиком и кофе, который внизу варили с самого утра.

— Кажется, здесь мой отец.

Рут поставила чашки на край свободного стола.

— В архиве Леона? Вполне возможно. Он полгорода переснимал.

— Он совсем молодой.

Рут подошла, наклонилась над плёнкой и тут же выпрямилась.

— Я на негативе лица не различаю. Давай отсканируем.

Она сказала это буднично, и Анна успела почувствовать облегчение: пока ничего необычного не произошло. Среди нескольких десятков тысяч снимков нашёлся отец. Было бы страннее, если бы Леон Розен не снимал Эдварда Уорда ни разу.

Отец знал о выставке. Два дня назад он спросил, сколько осталось работы, и предложил познакомить Анну с женщиной, которая в восьмидесятые помогала Розену устраивать показы. Анна отказалась: ей хотелось самой довести хотя бы этот проект. В редакции она давно научилась обходиться без его знакомств. При работе над выставкой следовало соблюдать ту же осторожность.

— Где лежало? — спросила Рут.

Анна показала серую папку.

На корешке было написано: «Контакты. Не отобрано. 1994–1996». Между листами контактной печати лежал конверт с фотографической плёнкой. На конверте — «Орчард. После пожара». Ни номера коробки, ни фамилии заказчика. Только маленькое «417» у нижнего края.

— Отдельной строкой, — сказала Рут. — Не подшивай пока к пожарам. У него подписи в последние годы были...

Она не закончила. Провела пальцем по корешку папки, на котором сама утром переписала почти стёршиеся даты.

Леон умер в июне. Его дочь неделю провела в квартире, прежде чем сумела открыть ящики в рабочей комнате. Потом позвонила музею городской фотографии, с которым отец давно обсуждал передачу архива. Временная выставка должна была стать первым шагом; постоянное хранение, договоры и деньги ещё предстояло согласовать.

Анна знала Розена по одному интервью. Четыре года назад он два часа рассказывал о закрывшихся лавках Нижнего Ист-Сайда и ни разу не спросил, когда выйдет статья. Вместо этого хотел знать, не обрезали ли редакторы фамилии людей в подписях. Когда Рут предложила

ей написать тексты для выставки и помочь разобрать материалы, Анна согласилась быстрее, чем успела посчитать гонорар.

Сканер стоял у окна. Рут опустила штору, проверила плёнку на пыль и уложила в рамку, берясь только за края. Анна завела новую запись в описи: коробка двенадцать, папка семь, конверт без инвентарного номера, обозначение автора — 417. Сфотографировала конверт рядом с бумажной карточкой находки.

— Запиши, что я здесь, — напомнила Рут. — Иначе потом опять придётся гадать, кто что перекладывал.

Анна добавила её имя.

На экране сначала появился потолок, потом стена, потом сразу два человеческих лица. Отец и мужчина постарше, в клетчатом пиджаке. Внизу — пакет с отвёрткой.

— Да, это он, — сказала Рут. — Я бы не узнала. Он тогда иначе держался.

Анна увеличила изображение. За отцом виднелся деревянный стол. Одна ножка стояла на сложенном куске картона; рядом тянулась тёмная полоса, похожая на пятно воды. На стене висела схема электрических щитов.

Кадр был резким. Никакой толпы, вспышек, рукопожатий. Отец, по-видимому, не позировал. Его рот был слегка открыт, будто он говорил фотографу или человеку за камерой.

— Можно сохранить все шесть? — спросила Анна.

— Конечно. Мы всё сохраняем. Сначала полную полосу, потом отдельно кадры. Как вчера.

Соседний снимок был почти тем же: стол, стена, мужчина в пиджаке. Отец вышел из кадра. На полу лежала отвёртка.

Анна подалась к экрану.

Отвёртка находилась возле ножки с картоном. Стальной стержень смотрел в сторону двери. Рукоятка была тёмной, с короткой светлой полоской поперёк.

Она открыла кадр, снятый раньше. Здесь комната казалась просторнее: Розен стоял дальше от стола. На полу лежала бумага, у стены — металлическая коробка. Возле ножки с картоном ничего не было.

— Что он снимал? — спросила Анна.

Рут посмотрела на конверт.

— Последствия пожара, наверное.

— Здесь нет следов огня.

— Могла быть другая комната. Или он положил не туда.

Рут придвинула к себе опись и стала перечислять технические признаки. Чёрно-белый негатив, тридцать пять миллиметров, шесть экспозиций на полосе, номера восемнадцать — двадцать три. На другой полосе — двадцать четыре — двадцать девять. Последние два кадра пустые.

Анна открыла двадцать четвёртый.

Стол был снят ещё ближе. Отвёртка на полу занимала нижнюю треть кадра. Рядом лежала табличка с цифрой. Мужчины исчезли. Изображение напоминало фотографии, которые показывают в суде: предмет крупно, окружающее пространство — только чтобы обозначить место.

— Леон работал с полицией?

— Иногда. Через знакомых. Не штатно.

— В девяносто пятом тоже?

— Наверное. А что?

Анна не сразу ответила. Она уже знала, каким образом вопрос изменит их утро. Пока отец был одним из тысячи людей в архиве. Стоило произнести следующую фразу, и Рут запомнила бы, что Анна увидела в снимках нечто подозрительное.

— Я не понимаю последовательность. Сначала он держит инструмент в пакете, потом инструмент на полу.

Рут посмотрела на экран внимательнее.

— Может, показывал, откуда взяли.

— Может.

Анна убрала руку с мыши. В их работе случалось достаточно ложных догадок. Человек отворачивался от камеры — и казался виноватым; соседние кадры лежали не по порядку — и получался иной рассказ. Она сама написала в предисловии к будущему каталогу, что фотография показывает ограниченный участок происходящего. Теперь не следовало забывать собственную фразу только потому, что на снимке был отец.

Телефон завибрировал на столе. Сообщение от Дэвида Лина, куратора: «Сможем сегодня получить подборку для зала “Город и закон”? Попечители ждут».

Она ответила, что пришлёт к вечеру.

— Давай эту серию пока оставим без темы, — сказала Анна. — Нужно разобраться с подписью.

— Хорошо.

Рут положила обе полосы в новые защитные карманы. Старый конверт сохранила рядом. Анна дописала в описи: «Содержание требует уточнения. Не включать в выставочную подборку».

После обеда она нашла в коробке двенадцать ещё два конверта с улицы Орчард. На одном стояла точная дата — октябрь девяносто пятого; на другом были фасад с пожарной лестницей и портрет женщины у подъезда. У дома на нижнем снимке различался номер. Анна записала его, не связывая пока с первой серией.

Рут ушла к нотариусу, оставив ей ключи от рабочего помещения. Перед уходом пересчитала раскрытые папки. Анна вернула негативы в коробку, выключила световой стол и села у окна с ноутбуком.

Поиск по адресу сначала выдал ресторан, открывшийся семь лет назад, и объявления о квартирах. Потом — оцифрованную страницу старой газеты. Низкое качество, чёрный прямоугольник снимка, заголовок об убийстве городского инспектора.

Анна скачала страницу и увеличила текст. Мужчина по имени Дэниел Ривера обвинялся в убийстве Томаса Белла. Поводом, по версии следствия, стала смерть сестры Риверы в пожаре. В статье цитировался помощник окружного прокурора Эдвард Уорд.

Она перечитала цитату. Отец говорил, что потеря близкого не даёт права вершить собственное правосудие.

Вторая газетная страница относилась к следующему году. Приговор. Фотография Риверы с руками перед собой. Пожизненное заключение с правом просить об условно-досрочном освобождении после двадцати пяти лет.

В описании доказательств упоминалась отвёртка, обнаруженная рядом с телом.

Анна отодвинула ноутбук. На улице грузовик сдавал назад, издавая ровные сигналы. Она услышала, как внизу захлопнули дверь, как кто-то засмеялся на лестнице. Всё это время она держала ладонь на пустой чашке.

В телефоне было ещё одно сообщение. Отец переслал ей приглашение на ужин в воскресенье и приписал: «Буду рад, если на этот раз ты придёшь без ноутбука».

Она открыла ответ, набрала «Да», стёрла.

Потом снова развернула газетную страницу и посмотрела на имя осуждённого.

До этого дня она его не слышала.

Глава 2. Второй осмотр

На следующий день Анна позвонила отцу в половине восьмого. Она знала, что он уже встал: много лет подряд по утрам он гулял, завтракал и читал документы до того, как в доме начинали звонить телефоны.

— Что случилось? — спросил он после приветствия.

— Почему обязательно что-то случилось?

— Ты обычно пишешь. А звонишь, если нельзя написать.

Она взяла со стола лист с фамилией Риверы. На обороте был список снимков для выставки.

— Я нашла тебя у Розена. На старой плёнке. Ты стоишь в комнате с каким-то полицейским.

— Приятно, что меня ещё можно опознать.

— Это дело Дэниела Риверы. Ты его помнишь?

Он не ответил сразу. В трубке тихо звякнула ложка. Анна помнила его чайную чашку, белую с тонким синим ободком; это внезапное знание мешало сосредоточиться.

— Да, — сказал отец. — Помню.

— Можно поговорить?

— Разумеется. У тебя есть час утром?

Он предложил встретиться в кабинете до десяти. Анна согласилась и только после звонка поняла, что получила то, чего боялась просить: возможность увидеть его реакцию.

Она приехала раньше. Приёмная была ещё пустой. На стене висела фотография отца с освобождённым заключённым, которому его юридическая организация помогла добиться пересмотра дела. Анна сама делала тот снимок. Мужчина закрывал лицо ладонью, а отец стоял в стороне, придерживая открытую дверь. Из всей серии он выбрал именно этот кадр: говорил, что главному герою не обязательно смотреть в камеру.

Секретарь Клер принесла воду и попросила подождать. На её столе стояли цветы и лежала новая папка с гербом штата. В газетах уже неделю писали о выдвижении Уорда на пост главного судьи. Губернатор объявил кандидатуру, теперь предстояло подтверждение в сенате. Точные даты Анна не запомнила: отец называл их без обычной уверенности, будто боялся обнадёжить семью раньше времени.

Он вышел из кабинета с телефоном в руке, прервал разговор и обнял её.

— Ты завтракала?

— Да.

Это была неправда. Она выпила кофе в метро, больше ничего.

— Тогда пойдём.

Кабинет почти не изменился со времени её последнего визита. Полка с юридическими справочниками, стол без семейных фотографий, два мягких кресла. Отец не садился за стол, когда принимал дочь, и она всегда считала это проявлением такта. Сегодня ей хотелось, чтобы он сел туда: было бы легче задавать вопросы человеку в официальном кресле.

Анна открыла на планшете скан. Показывала целый кадр, без увеличения рук.

Отец наклонился. Его лицо на несколько секунд стало неподвижным.

— Господи. Фрэнк.

— Кто?

— Мэдден. Детектив, который вёл дело. Я давно его не видел.

— А почему там был Розен?

— Он делал материал о работе полиции. Фрэнк его знал. Не уверен, что материал когда-нибудь вышел.

— Ты держишь отвёртку.

Отец коснулся пальцем края экрана, но не самого изображения.

— В пакете. Следователь должен был показать, где именно её нашли. Мы вернулись туда на повторный осмотр.

Анна перевела взгляд с фотографии на него.

— Это уже после обнаружения тела?

— Да. Позже. К первоначальному осмотру меня не приглашали. В ту пору помощники прокурора иногда выезжали на место, если нужно было разобраться с будущими показаниями.

— А инструмент можно было вынимать из пакета?

— Анна, я не помню каждого движения спустя тридцать лет. Возможно, мы восстанавливали положение. Это не лабораторная работа, но тогда...

Он остановился.

— Тогда делали вещи, которые сейчас выглядели бы иначе. Для чего тебе это? Для подписи к фотографии?

Она могла сказать «да». Этого хватило бы на весь разговор. Выясненная дата, имя второго мужчины, объяснение пакета — обычная работа с архивом.

— Я прочитала о приговоре.

— Понятно.

— Ты уверен, что Ривера был виновен?

Отец откинулся в кресле. Он не рассердился. Это сделало вопрос ещё неприятнее: словно она нарушила порядок беседы, в которой взрослый человек уже сообщил всё необходимое.

— Я был уверен тогда. Если бы не был, не пошёл бы в суд. У него был мотив, свидетели угроз, кровь на его инструменте. Присяжные слышали защиту. Приговор проверяли.

— Приговоры бывают ошибочными. Ты сам всю жизнь...

— Бывают, — перебил он. — Именно поэтому я не скажу тебе: «Перестань спрашивать». Но есть разница между вопросом и выводом. На фотографии человек держит изъятый предмет. Это ещё не история о судебной ошибке.

Анна закрыла изображение. Ей не понравилось, что он произнёс за неё то, чего она пока не говорила.

— Я хочу увидеть материалы дела. Хотя бы описание осмотра.

— Посмотри. То, что открыто, можно запросить в суде. У меня копий дома нет. Служебные документы я не храню в коробках под кроватью.

Он улыбнулся. Раньше она ответила бы улыбкой.

— Могу познакомить тебя с человеком, который поможет найти тома.

— Я сама.

— Хорошо.

Отец поднялся, подошёл к столу и вытащил карточку с адресом канцелярии. Написал на обороте фамилию обвиняемого и год суда, который вспомнил точнее, чем она ожидала.

— Ты собираешься включить снимок в выставку?

— Пока нет.

— Обязательно спроси Рут, откуда плёнка. Леон иногда фотографировал уже после того, как помещение приводили в порядок. Подписи могли не совпадать.

Она взяла карточку.

— Ты встречал Риверу после суда?

— Нет.

— Ни разу?

— Нет, Анна. На процессе я представлял обвинение. После этого делом занимались другие люди.

Из приёмной постучали. Клер напомнила о звонке. Отец ответил, что выйдет через пять минут.

— Ты придёшь в воскресенье?

— Постараюсь.

— Не превращай «постараюсь» в отказ. Мама уже заказала рыбу.

Он проводил её до двери, опять обнял. На его пиджаке пахло тем же одеколоном, который она в детстве узнавала на лестнице. Анна вдруг захотела сказать, что ей страшно. Но тогда пришлось бы объяснять, чего именно она боится, и он получил бы ещё одну возможность её успокоить.

Внизу она купила сэндвич и не смогла доесть. На улице было жарко; люди всё ещё носили летнюю одежду, хотя в магазинах уже выставили пальто. Анна стояла у урны с завёрнутой половиной сэндвича и перечитывала записи разговора.

Повторный осмотр. Восстановление положения предмета. Дата суда — девяносто шестой.

Объяснение отца могло оказаться верным. Она даже знала, как проверять его: найти первоначальные фотографии и протокол, сопоставить с серией Розена. Если всё сходилось, она написала бы нормальную подпись и перестала мучить человека вопросами о давнем деле.

В канцелярии ей объяснили, что получить всё в тот же день не получится. Нужно точное обозначение дела, часть томов хранится отдельно, отдельные материалы могут быть недоступны. Анна записала порядок запроса. Никто не интересовался её фамилией сверх того, что требовала форма.

Лишь к вечеру она нашла в оцифрованной газете репродукцию снимка отвёртки. Качество было хуже, чем у фотографии с приговором: зерно расплылось, тени слились. Но ножка стола, подложенный картон и оторванный угол бумаги позволяли узнать кадр двадцать четыре.

Подпись сообщала, что снимок сделан во время первоначального осмотра места убийства. Автор указан: Леон Розен.

Анна посмотрела на дату номера. Газета вышла до начала процесса, поэтому неверная подпись могла просто перейти туда из пресс-релиза. Она не знала, кто её составил. Возможно, сам Розен; возможно, редактор.

Она увеличила фрагмент. На отпечатке предмет уже лежал на полу. В серии отец держал его до этого.

Анна открыла сообщение отца: «Если возникнут сложности с архивом суда, дай знать».

Набрала вопрос о газетной подписи, но не отправила.

Ей нужны были материалы, с которыми можно сравнить ответ. Пока у неё были только фотография, чужая подпись и человек, которому она привыкла верить.

Глава 3. Чужая подпись

Мара прочитала распечатку, не сняв очков, которые надевала только для мелкого текста. Анна смотрела на её руки. На среднем пальце правой руки был след чернил; редактор всю неделю пользовалась неисправной ручкой и каждый раз забывала её выбросить.

— Ты говорила с ним? — спросила Мара.

— Вчера утром.

— Что показала?

— Кадр с пакетом.

— Остальные?

— Нет.

— Почему?

Анна собиралась ответить, что хотела услышать версию без подсказки. Это было бы отчасти правдой. Но лишь отчасти.

— Потому что на остальных предмет уже на полу. Я не хотела начинать с обвинения.

Мара сняла очки.

— Хорошо, что ты это понимаешь.

В редакции было тихо: большинство сотрудников работали из дома. За стеклянной перегородкой двое обсуждали фотографию затопленного подвала. На столе Мары лежал счёт за сервер и письмо о гранте, от которого зависело, смогут ли они осенью сохранить ещё одну штатную ставку.

— Я не знаю, есть ли здесь история, — сказала Анна. — Возможно, отец прав. Но подпись не совпадает с его объяснением.

— Пока мы знаем, что не совпадает газетная подпись. Где подпись из дела?

— Ещё не получила.

— Где оригинальный протокол?

— Тоже.

— Значит, начнём с этого.

Мара потянулась к телефону, но не стала звонить.

— Ещё кое-что. Ты не будешь вести это одна.

Анна ожидала услышать эту фразу, однако всё равно почувствовала обиду. В обычном расследовании она сама попросила бы коллегу проверить выводы. Сейчас редактор словно отбирала у неё право разбираться с собственной жизнью.

— Я принесла материал именно потому, что...

— Именно поэтому я и говорю. Ты его дочь. Ты только что объяснила, почему показала один кадр и не показала другие. Нам нужен человек, которого не будет волновать, придёт ли твоя мама на семейный ужин.

Анна отвела взгляд.

— Это прозвучало грубо, — сказала Мара. — Но вопрос останется.

Она предложила Джона Селби. Он работал в журнале по контракту, проверял бюджетные закупки и однажды три недели разбирался с датой на единственной квитанции. Анна уважала его и старалась не сидеть рядом на планёрках: Джон задавал уточняющие вопросы даже тогда, когда остальные уже договорились.

— Он возьмёт судебную часть, — сказала Мара. — Ты работаешь с архивом, потому что нашла материалы и знаешь, как они хранятся. Все выводы — через него и через меня. Если будет публикация, родство объясним читателю сразу. Без красивого сюрприза в конце.

— И моя работа на выставке?

— Ты получаешь деньги от владельцев архива?

— От музея. За каталог и подборку. Редакция знала.

— Знала. Но тогда твой отец ещё не был героем найденной серии. Договор нужно посмотреть заново.

Анна достала копию из электронной почты. Мара прочла пункт о передаче текстов и права на воспроизведение материалов. Запретов на журналистскую работу не было; сама Анна не получала права распоряжаться фотографиями.

— Мы не будем публиковать сканы, пока не решим вопрос с Рут, — сказала Мара. — А сведения проверять можем. Сообщи ей сегодня.

— Она решит, что я пришла рыться в архиве ради сенсации.

— Ты пришла готовить выставку. Потом увидела то, чего не ожидала. Скажи именно это.

Джон подключился по видеосвязи через двадцать минут. Его камера показывала половину лица и край окна. Он молча выслушал Анну, попросил прислать полную последовательность кадров, газетные страницы и запись описи. Анна начала объяснять, что у отца была причина находиться на месте повторного осмотра.

— Эту версию тоже пришли, — сказал Джон. — Дословно, насколько помнишь.

— Ты думаешь, я его оправдываю?

— Я думаю, ты знаешь больше меня и одновременно можешь пропустить то, что заметил бы незнакомый человек. Пока не ясно, в какую сторону.

Мара одобрительно кивнула.

Джон спросил, что известно о Ривере сейчас. Анна нашла запись в официальной базе: он оставался в заключении. Даже после двадцати пяти лет это не означало, что его обязаны выпустить. В опубликованном решении об отказе в условно-досрочном освобождении говорилось о тяжести преступления и недостаточном осознании ответственности.

— Он всё ещё отрицает вину, — сказала Анна.

— Откуда знаем?

— Из решения.

— Найдём его адвоката.

В одной из старых публикаций о юридической помощи заключённым упоминалась Лидия Прайс. Имя Риверы находилось в третьем абзаце, между двумя делами, получившими гораздо больше внимания. Анна позвонила по рабочему номеру и оставила сообщение. Коротко объяснила, что нашла неизвестные фотографии из материалов, связанных с расследованием девятиного пятого года. Фамилию назвала полностью.

Прайс перезвонила через час.

— Вы родственница Эдварда Уорда?

— Его дочь.

— Вы работаете на него?

— Нет.

— Что именно у вас?

Анна рассказала о негативе, первоначальном и последующем расположении отвёртки, объяснении отца. На другом конце не прерывали и не выражали удивления. Это оказалось тяжелее, чем спор.

— Оригиналы у вас? — спросила Прайс.

— У дочери фотографа. Я имею доступ по работе.

— Вы их выносили?

— Нет.

— Хорошо. Не выносите. Не пишите на конверте, не делайте новых отметок на плёнке. Мне нужно увидеть, как это обнаружили, и получить возможность проверить происхождение. И прежде чем вы скажете что-то Ривере, я должна понять, что вы собираетесь ему обещать.

— Я ничего не собираюсь обещать.

— Тогда мы уже сэкономили друг другу время.

В её голосе не было ни враждебности, ни благодарности. Анна подумала, что адвокат, вероятно, не впервые получает звонок с «неизвестными материалами». Через четыре года работы по делу можно было научиться не радоваться раньше клиента.

Они договорились на вечер.

Перед встречей Анна заехала в архив. Рут выслушала её стоя, с папкой в руках. Когда Анна закончила, та спросила:

— Ты уже отправила снимки в газету?

— Редактору и одному проверяющему. Для внутренней проверки. Не для публикации.

Рут опустила папку на стол.

— Ты должна была сказать мне до этого.

Анна открыла рот и закрыла. Мара была права насчёт первого разговора, но это не снимало с Анны ответственности за то, что уже произошло.

— Да. Должна была. Я слишком торопилась.

Рут попросила список получателей. Анна написала имена и рабочие адреса, указала время отправки. Дала ей прочитать сообщения целиком. Рут долго просматривала экран.

— Можешь проверять то, что увидела, — сказала она наконец. — Но я не даю тебе права решать за меня, где появятся фотографии моего отца.

— Понимаю.

— И я хочу присутствовать, когда их будет смотреть специалист.

Анна пообещала договориться. В описи появилась новая запись об изготовленных цифровых копиях. В короткой строке стояли два имени. Увиденные снимки уже нельзя было ото-звать так же, как письмо с вложением.

Лидия Прайс работала в маленьком офисе над аптекой. У двери лежали мокрые зонты, хотя дождь давно прекратился. На стене не было дипломов; висела карта штата с отметками возле исправительных учреждений.

Адвокат посмотрела всю серию, затем попросила показать первый кадр ещё раз.

— Я узнаю помещение, — сказала она. — И двадцать четвёртый снимок. Его предъяв-ляли присяжным.

— В деле указано, что это первоначальный осмотр?

Прайс вынула из шкафа папку.

— Посмотрим вместе.

Она положила перед Анной копию списка вещественных доказательств. Отпечаток Розена фигурировал там под отдельным номером. В описании стояли адрес и время — ночь, когда нашли тело. Прайс достала следующую страницу: выдержку из протокола осмотра. Обна-ружение отвёртки тоже относилось к той ночи.

— Это точно тот снимок? — спросила Анна.

— По моим материалам — да. Но сравним с заверенной копией, прежде чем заявлять окончательно.

Анна почувствовала, как бумага цепляется за влажные пальцы.

— Он сказал, что тогда его там не было.

Прайс подняла глаза.

— Это важное расхождение. Ещё не доказательство подлога.

— Я знаю.

— И мне нужны все его слова, не только эта фраза.

Анна пересказала разговор. Когда дошла до предложения помощи с архивом суда, ей стало стыдно за внезапный вопрос: если отец хотел что-то скрыть, почему сам дал адрес?

Прайс не стала отвечать на то, чего она не спросила.

— Я покажу снимки Дэниелу, если собственница разрешит передать копии для работы по делу. Он сам решит, хочет ли с вами говорить. Для интервью нужно согласовать доступ. Это не обычная поездка в гости, и выдавать её за семейный визит мы не будем.

— Сколько времени?

— Не знаю. Я сегодня отправлю запрос. У него также есть телефон, но разговоры могут контролироваться. Не обсуждайте стратегию и не считайте такой звонок защищённым.

Прайс убрала папку обратно.

— Двадцать девять лет, Анна. За эти годы многие говорили ему, что наконец нашли что-то важное. Подумайте об этом, прежде чем попросить его надеяться.

На лестнице Анна остановилась и написала отцу: «Я встретилась с адвокатом Риверы. В копиях протокола отвёртка указана при первоначальном осмотре. Ты говорил о повторном. Мне нужно разобраться».

Ответ пришёл, когда она уже вышла на улицу.

«Нужно смотреть полный комплект. Не делай выводов по копиям».

Она сохранила сообщение и отправила его Маре.

Глава 4. Двадцать девять лет

Дэниел Ривера позвонил ей на пятый день после находки.

Анна сидела на полу возле книжного шкафа, разбирая коробку старых блокнотов. Искала записи того самого интервью с Розеном. Автоматическое сообщение предупредило, откуда поступает звонок и что разговор может контролироваться. Она согласилась принять его и поднялась с пола.

— Мисс Уорд?

— Да. Анна.

— Лидия сказала, вы хотите поговорить.

Голос был обычным. Немного хриплым, с короткими паузами между предложениями. Анна зачем-то ждала голоса, по которому можно будет услышать срок.

— Хочу. Вы посмотрели фотографии?

— Две. Она привезла распечатки вчера.

Прайс прислала ей вечером короткое сообщение: Рут дала разрешение на использование копий в юридической проверке; Ривера согласился на первый разговор. Запрос на очное интервью ещё рассматривали.

— Я хочу понять, что вы помните об инструменте, — сказала Анна. — Но если вам неудобно обсуждать это сейчас...

— Мне неудобно обсуждать это последние двадцать девять лет. Спрашивайте.

Она взяла блокнот. На первой странице записала время звонка и предупредила, что будет делать заметки. Запись разговора не включала; для начала достаточно было услышать его и уточнить, что из сказанного он разрешает использовать.

— Вы узнали отвёртку?

— Это была моя. Я говорил это на суде.

— Отец сказал, что на ней нашли следы...

Анна остановилась.

— Ваш отец, — произнёс Ривера. — Давайте сразу. Вы не обязаны говорить «прокурор», если имеете в виду его.

— Хорошо.

— Они нашли кровь Белла. Я эту отвёртку не оставлял в доме. За день до того у неё лопнула рукоятка. Я отнёс её в мастерскую, где мне делали мелкий ремонт инструмента. Вечером узнал, что Белл убит. На следующий день меня забрали.

Анна записала последнее предложение, потом перечеркнула слово «на следующий» и оставила пустое место.

— В какие часы?

— После обеда. Я помню, что сосед успел отвести Софию к моей матери. Всё остальное смотрите в бумагах. Я в голове уже переставлял эти часы тысячу раз.

— А ваша версия о мастерской была в деле?

— Была. Хозяин сказал, что я приносил инструмент. Они решили, что я потом его забрал. Я не забирал.

— Хозяин видел, как вы забрали?

— Нет. Он помнил не всё. Когда надо было помнить, полицейские уже побывали у него. Он испугался, что мастерскую закроют. Или действительно забыл. Я не знаю.

Ривера говорил без спешки. Он не пытался убедить её каждым словом, не подчёркивал, что невиновен. Это не означало, что ему можно было верить без проверки. Анна заставила себя написать на полях: «Сверить с показаниями».

— Я нашла газетную статью об угрозах, — сказала она. — Вы угрожали Беллу?

— Да.

Прямой ответ застал её врасплох.

— Что именно вы сказали?

— Что если он снова придёт на нашу улицу с бумажкой, будто всё безопасно, я сломаю ему руки. Там были люди. Они слышали.

— После пожара?

— Через три недели. Моя сестра умерла в больнице. Белл говорил, что она сама подключила обогреватель неправильно. Он ни разу не был в её квартире. А до пожара писал, что проводка исправна.

Анна молчала. За стеной сосед включил телевизор; она слышала рекламу, потом звук спортивной передачи. Хотелось перейти в другую комнату, где такие вещи не будут мешать разговору.

— Я был зол, — сказал Ривера. — Очень. Вам не нужно делать из меня спокойного хорошего человека, который ни с кем не ссорился. Но я его не убивал.

— Вечером вы были дома?

— Был у матери с Софией. Потом пошёл покупать молоко. Она помнила, когда я вернулся. Ей не поверили. Матери всегда помогают сыновьям — так сказали.

Анна посмотрела на полку. Рядом с рабочими папками стояла фотография её матери с двумя детьми. Отец снимал их на пляже; его самого в кадре не было. Она отвернулась от шкафа.

— Вы знаете, почему Розен снимал помещение?

— Тогда нет. На суде объяснили, что он делает репортаж. Приехал с полицией. Я его никогда не видел.

— Он говорил с вами после приговора?

— Нет.

— Писал?

— Нет. По крайней мере, я не получал. Что это за вопрос?

— Пока просто проверяю, мог ли он что-то сообщить раньше.

Анна вспомнила, как Розен поправлял её текст четырёхлетней давности. Просил не забывать имена. Если он снимал предмет до и после, если видел, как отец держит пакет, должен был что-нибудь понять. Но «должен был» ещё не означало «понял».

— Вы думаете, он снял, как они принесли её? — спросил Ривера.

— На одном кадре инструмент в пакете. На другом — на полу. Я не знаю, почему его вынули. И не могу по фотографии установить время.

— Значит, ещё не знаете.

— Не знаю.

Он выдохнул. Далеко от телефона кто-то говорил громче, чем он; звуки на несколько секунд перекрыли разговор.

— Лидия сказала, вы не обещали, что я выйду.

— Не обещала.

— Хорошо. Давайте так и дальше.

Анна написала эту фразу и поняла, что уже выбирает цитаты. Будущая статья могла начаться с неё. Человек, которого лишили свободы почти на тридцать лет, просит не давать обещаний. Удачный абзац. Она закрыла блокнот.

— Я должна сказать вам ещё кое-что. Если проверка подтвердит расхождение, журнал захочет написать об этом. Я не буду единственным автором. Дело проверяет другой журналист.

— Чтобы люди не решили, что вы мстите отцу?

— Чтобы мои отношения с ним не влияли на выводы.

— Они всё равно влияют.

— Да. Но мы можем проверить каждое утверждение независимо от меня.

Ривера какое-то время молчал.

— Не пишите моей дочери, — сказал он.

— Я не собиралась...

— Теперь знаете. Её зовут София. Она взрослая. Когда люди узнают о деле, им всегда нужна дочь. Как она росла без отца, плакала ли на свиданиях, что говорит внук. У меня нет внука. Я им каждый раз объяснял. Потом всё равно кто-то написал.

— Я не буду обращаться к ней без согласования.

— Не со мной. С ней. Но сначала дайте ей пожить ещё немного без вас.

— Хорошо.

Телефон предупредил об оставшемся времени.

— Мисс Уорд...

— Анна.

— Ладно. Анна. У вас отец жив?

— Да.

— В газетах видел. Я имею в виду — вы разговариваете?

— Разговариваем.

— Тогда спросите у него про мою мать. Она приходила к нему после суда. Два раза. Я не знаю, принял он её или нет. Она не рассказывала. Только говорила, что ещё попробует.

Анна почувствовала, как край телефона давит на ухо.

— Попробую выяснить.

— Она умерла восемь лет назад. Это можно написать. Но не нужно делать её святой. Она была тяжёлый человек. С ней никто из нас не умел договориться. Просто она знала, что я был дома.

Связь прервалась после автоматического объявления. Анна ещё несколько секунд держала телефон возле лица, потом села на край дивана.

На столе лежала открытка, которую отец прислал ей из конференции в Бостоне. На открытке он шутил о плохом кофе и просил не забыть забрать посылку для матери. Она прочла её впервые за несколько месяцев и не поняла, зачем.

Потом открыла блокнот. Отметила, какие фразы записала точно, какие — по памяти. Отправила Джону сведения о мастерской и попросила сравнить с судебными показаниями. Прайс сообщила о просьбе Риверы не беспокоить Софию.

Адвокат позвонила вечером.

— Как он вам показался?

— Уставшим от вопросов.

— Это он ещё старался быть вежливым.

— Он рассказал про мать. Она приходила к моему отцу после суда.

— У меня есть копии двух её писем. Одно адресовано вашему отцу. Наличие письма не доказывает, что он его прочёл. Я пришлю вам сканы, а Джону — всё, что относится к этому эпизоду.

— Зачем она обращалась к обвинителю?

— Потому что суд закончился, денег на нового адвоката не было, а он был человеком, чьё имя она знала. Дэниелу казалось, что это бессмысленно. Она всё равно писала.

Анна посмотрела на свой неотправленный вопрос отцу.

— Я поговорю с ним.

— Не сегодня, — сказала Прайс.

— Почему?

— Потому что вам хочется, чтобы он объяснил и это. Подождите, пока прочитаете письма. И помните: мы проверяем дело моего клиента. Ваш семейный разговор может помочь, но не заменит документы.

Анна хотела возразить. Она давно работала журналисткой, умела отделять сведения от объяснений и не нуждалась в уроке после каждого звонка. Однако вместо возражения спросила, когда придут копии.

— Завтра утром.

Вечером она всё-таки нашла записи интервью с Леоном. Между замечаниями о закрывшейся булочной и именем продавщицы был вопрос, который не вошёл в статью: «Что вы не стали бы снимать снова?»

Ответ состоял из трёх коротких предложений. Леон говорил, что дело не в съёмке. Иногда нужно было вовремя объяснить, что ты снял. А иногда проще было позволить другим написать подпись.

Тогда Анна сочла это общим рассуждением о редакторах.

Теперь она переписала ответ на отдельный лист, указала дату интервью и добавила внизу: «Не считать признанием. Спросить Рут».

Глава 5. Контактный лист

Феликс Ортис попросил выключить верхний свет, потом снова включить.

— Так нормально, — сказал он. — Дело не в атмосфере. На поверхности нужно видеть пыль.

Он привёз небольшую сумку и свою лупу. Рут предложила кофе, но он попросил воду в закрытой бутылке и поставил её на подоконник, подальше от плёнок. Ему было около пятидесяти. Очки висели на шнурке, и Анна сразу представила, как легко ими задеть раскрытый негатив. Феликс снял их прежде, чем наклониться к столу.

Мара нашла его через музейного консультанта. Платила редакция; Рут заранее сообщила, что специалист получит гонорар при любом заключении. Рут попросила включить это в письмо. Анна впервые увидела, сколько условий может появиться вокруг шести кадров, которые ещё неделю назад никто не собирался рассматривать.

Джон приехал тоже. Он поздоровался с Рут, пожал руку специалисту и спросил Анну, где можно оставить велосипедный шлем. До этого они общались через экран, и его неожиданное присутствие в архиве показалось ей вторжением. Потом он сел в стороне с блокнотом, не трогая ни одной папки, и раздражение прошло.

Рут разложила материалы в порядке обнаружения: серую папку, старый конверт, защитные карманы с негативами, распечатанную запись описи. Анна рассказала, что сделала в первый день. Не опустила ни поиски по адресу, ни отправку сканов без предварительного согласования.

Феликс спросил, была ли плёнка вымыта или обработана после находки. Рут ответила, что только сняла поверхностную пыль перед сканированием. Он записал это.

— Самое простое объяснение я уже слышал, — сказал Джон. — Восстановление положения изъятого предмета. Что вы можете сказать о последовательности?

— Сначала посмотрю.

Феликс работал медленно. Изучил края полосы, номера экспозиций, царапины. Сравнил материал с двумя другими конвертами того же периода. Попросил исходные файлы сканов и сведения о настройках. Анна посылала ему всё заранее, но теперь он хотел видеть процесс целиком.

— Эта полоса не собрана из отдельных кадров, — сказал он наконец. — Между восемнадцатым и двадцать третьим я не вижу разрезов или склеек. Нумерация соответствует направлению экспонирования. Я подготовлю письменное описание того, что исследовал. Это будет описание, а не ответ на вопрос, кто виноват.

Анна указала на две распечатки.

— Значит, пустое место снято раньше, чем отец держит пакет?

— Этот кадр экспонирован раньше. Но между ними фотограф мог уйти на час, на ночь, на неделю. Фотоплёнка не ставит вам дату на каждом снимке.

— Свет тот же.

— Искусственный. Окно почти не попало в кадр. Вы хотите, чтобы сходство света дало точное время, а оно его не даёт.

Джон написал что-то в блокноте. Анна почувствовала, что ответ адресован ему не меньше, чем ей.

— Кадр двадцать четыре на другой полосе, — продолжил Феликс. — По номеру идёт следующим. Материал совместим, видимые детали сходятся. Но физической непрерывности между двадцать третьим и двадцать четвёртым мы уже не видим: там обычный разрез. Это тоже нужно сказать честно.

Рут стояла рядом, сцепив руки перед собой.

— Мой отец мог переставить их?

— Полосы в конверте — мог. Номера на плёнке от этого не изменятся.

— А мог снять другое помещение на ту же плёнку?

— Конечно. Но здесь стол, картон под ножкой, схема на стене. Это можно сопоставлять. Для идентификации человека и обстоятельств нужны другие специалисты и документы.

Он увеличил скан двадцать первого кадра. Отвёртка внутри пакета виднелась хуже, чем на бумажной распечатке: светлая область сливалась с рубашкой отца. Феликс изменил контраст на экране. Исходный файл оставил нетронутым. У рукоятки различилась тонкая трещина или светлый след.

— Вы не сможете сказать, это один и тот же инструмент? — спросила Анна.

— Могу перечислить совпадающие признаки. И различия в том, что видно. Если ждёте однозначного «та самая отвёртка», не получите его от меня по этим изображениям.

Анна перечеркнула в блокноте «тот же инструмент» и оставила место для перечня признаков. На соседней странице три распечатки лежали в порядке экспозиций. По крайней мере этот порядок Феликс не оспаривал.

Джон задал ещё несколько вопросов: какие файлы можно передать другому специалисту, что потребуется для проверки оригинала отпечатка, как сохранить материалы при перевозке. Рут всё слушала. Анна поймала себя на желании вставить фразу из интервью Леона, но при посторонних это могло прозвучать как заранее подготовленная улика против умершего.

Она дождалась, пока Феликс закончит.

После его ухода Джон остался ненадолго, чтобы сверить номера. Он уже получил от Прайс копии показаний владельца мастерской. Тот подтверждал, что Ривера принёс отвёртку, но не мог уверенно назвать день, когда её забрали.

— Есть имя? — спросила Анна.

— Самуэль Кац. Мастерская закрылась давно. Ищу родственников. Пока не надо звонить по всем найденным номерам.

— Я могу съездить по адресу.

— Там теперь магазин одежды. Но съезди, если хочешь. Только спроси сначала владельца здания, а не продавца, помнит ли он девяносто пятый.

Когда Джон ушёл, Рут вынула из сумки обёрнутый бумагой сэндвич и разделила пополам.

— Ты опять не ела?

— Ела.

— Тогда оставь на потом.

Анна взяла половину. Они сели за тот стол, на котором не было плёнок. Рут раскладывала салфетку с такой же аккуратностью, с какой укладывала негативы. Её отец когда-то рассказал Анне, что в детстве она подписывала все свои коробки, даже те, в которых лежали три одинаковые куклы. Анна помнила, как он смеялся, рассказывая это.

Она показала страницу блокнота.

Рут прочла ответ Леона два раза.

— Когда он это говорил?

— Четыре года назад.

— В статье было?

— Нет.

Рут положила блокнот на стол.

— Он говорил много такого. Особенно если не хотел отвечать прямо.

— У него есть записные книжки этого периода?

— Есть разные. Я ещё не всё смотрела.

— Можно поискать?

Рут вытерла руки. Подошла к нижнему шкафу и открыла дверцу, которая плохо держалась на петле. Вынула две коробки. На первой написала «личное» ещё до того, как Анна начала помогать.

— Здесь письма. Если встретишь чужую переписку, скажи мне прежде, чем читать.

Анна кивнула.

Они просмотрели конверты девяносто пятого и девяносто шестого годов. Счета за бумагу, приглашение на свадьбу, открытка из Берлина. Среди деловых писем нашлось приглашение выступить в фотоклубе; внизу Леон набросал план: «Не путать присутствие с участием». Рут убрала его отдельно, не комментируя.

В коробке за девяносто седьмой лежал лист, сложенный вчетверо, без конверта.

Рут раскрыла его. Анна увидела обращение к адвокату и фамилию Риверы. Пока Рут читала, она заставила себя смотреть в окно.

— Можно, — сказала Рут.

Текст был напечатан на машинке. Леон писал, что фотографии, представленные при рассмотрении дела, могли получить неверные подписи. Сообщал номер плёнки — 417 — и предлагал встретиться. В последнем абзаце просил пока не упоминать его имя публично, поскольку не располагал полной информацией о работе следствия.

Подписи внизу не было.

На обороте карандашом: «Сначала Э. У. Время».

— Отправляя? — спросила Анна.

— Не знаю. Конверта нет. Может, это копия. Но обычно он хранил копии вместе с ответами.

Анна перечитала первый абзац. Он не писал, что видел подлог. Писал о подписях. Возможно, задавал тот же вопрос, который она сама задала отцу утром. Возможно, получил ответ и успокоился.

— Нужны остальные записи, — сказала она.

Рут забрала лист и положила в новый карман.

— Ты понимаешь, что это означает для него?

— Пока нет.

— Понимаешь.

Анна промолчала.

Рут села, пододвинула свою половину сэндвича и вдруг отложила её.

— Выставка должна была быть о том, как он видел людей. Я всем это рассказывала. Что он помнил тех, кого остальные забывали.

— Это могло быть правдой.

— И вот это могло быть правдой. Что он написал письмо, не подписал и положил в коробку.

На этот раз Анна не стала предлагать объяснение. Рут открыла записную книжку за следующий год, и они продолжили разбирать материалы. До вечера нашли только расходы, номера телефонов и несколько имён без пояснений.

Перед уходом Рут сама внесла найденный лист в опись. Дала ему номер, сфотографировала обе стороны, записала имена присутствовавших. Анна помогла подобрать карман нужного размера.

Потом они убрали стол. Всё, что могло повлиять на дело, осталось отдельно от выставочной подборки. На полу лежал кусочек старой обёрточной бумаги. Рут подняла его, проверила с обеих сторон и лишь затем бросила в корзину.

Глава 6. Семейный ужин

В воскресенье мать открыла дверь прежде, чем Анна успела убрать ключи.

— Ты же больше здесь не живёшь, — сказала Хелен, посмотрев на связку. — Можно звонить.

— Ты сама говоришь, что я должна приходить как домой.

— Говорю. Но я стою у плиты, и звонок слышно лучше, чем замок.

Она поцеловала дочь в щёку, взяла принесённый пирог и понесла на кухню. В квартире пахло укропом и горячей духовкой. Мэтт уже сидел за столом, рассматривая телефон. Он поднял голову и показал на свободное место рядом.

— Наконец-то. Мама успела сказать, что у меня неправильная рубашка.

— Для ужина с семьёй слишком много пятен, — отозвалась Хелен.

— Это рисунок.

— Похож на пятна.

Анна села. Мэтт убрал телефон и спросил, как идёт выставка. Она ответила, что архив большой. Брат поднял брови: такой ответ ничего не значил, и оба это понимали.

Отец вошёл из спальни в домашней рубашке, без галстука. Поцеловал Анну в лоб, как делал с тех пор, когда она была ниже его плеча. Она не отстранилась, но почувствовала, что ждёт какого-то знака: тревоги, раздражения, признания, что её сообщение изменило его неделю.

Он спросил, удалось ли получить документы.

— Адвокат дала копии. Джон проверяет остальное.

— Джон?

— Селби. Из редакции.

Отец кивнул. Хелен поставила на стол блюдо с рыбой и попросила помочь с тарелками. Несколько минут они занимались тем, чем занимались на каждом семейном ужине: передавали хлеб, искали лопатку, говорили о работе Мэтта. Он рассказал о пациенте, который принёс врачу список диагнозов из интернета. Анна обычно подхватила бы разговор. Сегодня ей удалось только спросить, чем всё закончилось.

— Тем, что у него оказалась сломана нога, — сказал Мэтт. — Как он и думал до интернета.

Хелен засмеялась. Отец тоже. Анна посмотрела на них и впервые за несколько дней почувствовала голод.

Она съела почти всю порцию. Потом мать начала спрашивать о цвете стен в выставочном зале, о каталоге и о том, где будут стоять гости во время открытия. Говорила «мы», хотя её участия никто не просил. Анна поняла, что семья уже считает выставку своим событием.

— Дэвид хочет сделать отдельную часть про городские общественные организации, — сказал отец. — Меня попросили прислать короткую запись. Не знаю, поместится ли.

— Ты будешь говорить на открытии? — спросила Анна.

— Если к тому времени закончатся слушания и если музей всё ещё захочет.

— Почему ты раньше не сказал?

— Мне написали только в пятницу. Ты работаешь с фотографиями, а не со списком выступающих.

Он сказал это мягко. Анна не могла возразить: организационная часть действительно проходила через куратора. Но теперь все нити сходились в одном месте. Выставка, кандидатура, речь о правах человека, негатив с отвёрткой в руке.

— Анна нашла старые снимки, — добавил отец, обращаясь к Хелен. — Из дела, которое я вёл в начале карьеры.

Мэтт посмотрел на сестру.

— И?

— Там есть расхождение с документами, — сказала она.

Отец налил себе воды.

— Нужно сначала проверить, насколько существенное.

— Поэтому мы и проверяем.

Хелен положила вилку.

— Подожди. Это о тебе?

— На снимке есть папа. По его словам, это повторный осмотр. В протоколе фотография относится к первоначальному.

— Подпись перепутали? — спросил Мэтт.

Анна почувствовала облегчение и сразу рассердилась на него. Именно так ей хотелось думать в первые дни.

— Возможно. Но тогда надо понять, что произошло с инструментом. В протоколе он тоже обнаружен раньше.

Отец отодвинул тарелку.

— Давайте не будем разбирать уголовное дело между блюдами. У нас недостаточно материалов, и я не помню каждую строчку.

— Ты достаточно хорошо помнишь, что не был на первом осмотре.

— Потому что этого не было. Это я помню.

Хелен встала и начала собирать пустые тарелки. Анна потянулась помочь, но мать сказала, что справится сама.

— Ты уже написала статью? — спросил Мэтт.

— Нет.

— А собираешься?

— Если выяснится, что важную улику оформили неправильно, об этом нужно будет рассказать.

— «Неправильно» — большое слово. Можно дату перепутать. Можно что-то подложить. Ты о чём?

Анна посмотрела на отца. Он тоже смотрел на неё и ждал.

— Я ещё не знаю.

— Тогда не говори так, будто знаешь, — сказал Мэтт.

У него был тот же тон, с которым он разговаривал по телефону с коллегами: быстрый, суховатый. Анна вдруг услышала в нём отца и поняла, что сходство раздражает её сильнее самого замечания.

— Я как раз сказала, что не знаю.

— Но ты принесла это сюда. За стол.

— Папа сам начал.

Отец поднял ладонь.

— Хватит. Никто не сделал ничего плохого, задавая вопрос. Анна занимается своей работой. Не надо защищать меня от дочери.

Мэтт сел обратно, и отец сразу повернулся к Хелен: попросил не уносить рыбу, хотел ещё немного. Анна смотрела, как быстро вернулся обычный порядок, и не могла решить, благодарна ли ему за это.

Мэтт встал и унёс к матери оставшиеся тарелки. Отец предложил Анне перейти в гостиную.

Там было прохладнее. На подоконнике стояли растения, за которыми следила Хелен. Один горшок треснул несколько лет назад, и отец склеил его, оставив по краю заметный след. Анна села на диван; он остался в кресле напротив.

— Ты разговаривала с Риверой?

— Да. По телефону.

Отец кивнул так, словно уточнил рабочую деталь.

— Он не обязан казаться тебе неприятным человеком, чтобы быть виновным.

— Я знаю.

— Потеря сестры, тяжёлый срок, дочь выросла без него. Всё это вызывает сочувствие.

Но...

— Я не говорю, что он невиновен, потому что мне его жалко. Я сравниваю снимки с протоколом.

— Хорошо. Именно так и делай.

Анна достала телефон, но не открыла фотографии. Вместо этого положила его экраном вниз.

— Его мать приходила к тебе после суда?

Отец посмотрел на дверь в кухню.

— Люди приходят к обвинителям после суда. Пишут, звонят. Я не помню конкретного визита.

— Она писала дважды. У Лидии есть копии.

— Значит, писала.

— Ты ответил?

— Не знаю. Возможно, мой офис ответил. Анна, я действительно не помню.

Она поняла, что продолжает ждать невозможного: чтобы тридцать лет спустя он вспомнил каждое письмо, потому что каждое теперь стало для неё важным. От этого было легко перейти к несправедливому обвинению. Она убрала телефон в сумку.

— Розен тоже собирался написать адвокату. Про неверные подписи. В девяносто седьмом.

Отец больше не смотрел в сторону кухни.

— Ты нашла письмо?

— Не подписанное. Не знаю, отправлял ли.

— Он иногда звонил Фрэнку. Возможно, спрашивал об этом. Нужно искать ответы, если есть.

— На обороте твои инициалы. «Сначала Э. У. Время».

В комнате стало слышно, как Мэтт открыл кран.

— Он мог звонить мне, — сказал отец. — Мы были знакомы.

— Ты помнишь разговор?

— Не помню.

Он потер ладонью колено. Впервые за весь вечер выглядел усталым по-настоящему, без привычной сдержанности.

— Чего ты сейчас хочешь от меня?

Анна не ожидала прямого вопроса.

— Чтобы ты сказал, если там было что-то, чего я пока не знаю.

— Там было убийство. И человек, который угрожал убитому. Я занимался этим делом. Не всегда идеально. Но занимался.

— Это не ответ.

— Это всё, что я могу ответить сегодня.

Они посидели молча. Из кухни Хелен спросила, не хочет ли кто-нибудь чаю. Отец сказал, что сейчас придут.

— Если есть основания пересматривать дело, я готов помочь, — добавил он. — Могу найти хорошего адвоката, который независимо оценит материалы. Ты не обязана делать это через редакцию.

— У него уже есть адвокат.

— Один человек не всегда может вытянуть такое дело. Я знаю, сколько это стоит.

— Тогда помоги ей получить документы.

— Пусть напишет мне официально.

Анна поднялась. Она не знала, было это предложением помощи или приглашением привести расследование к нему в кабинет. Возможно, он сам пока не разделял одно и другое.

За чаем мать рассказывала об ученице, которая бросила занятия за месяц до экзамена. Мэтт спрашивал, долго ли ей ещё работать по вечерам. Анна помогала резать пирог. Отец один раз поймал её взгляд и отвернулся первым.

На выходе Хелен дала ей контейнер с рыбой.

— Не надо, мам.

— Надо. Ты не будешь готовить.

Анна взяла контейнер. У двери мать тихо спросила:

— Ты ему веришь?

Вопрос был таким простым, что Анна не сразу поняла, как на него ответить.

— Я проверяю.

Хелен кивнула, будто другого ответа и не ждала, и поцеловала её ещё раз.

В метро контейнер согревал колени сквозь сумку. Анна думала о том, как мать сказала «ему», и не могла вспомнить другого случая, когда та спрашивала о доверии к отцу отдельно от всей семьи.

Глава 7. Мастерская

Продавщица в магазине одежды никогда не слышала о Самуэле Каце. Она работала здесь второй год, хозяин жил в Нью-Джерси, а раньше в помещении, кажется, продавали соки.

Анна поблагодарила её и вышла. Всё произошло так, как предсказывал Джон. На поездку ушёл час. Вместо мастерской Анна увидела только новую вывеску. Там, где раньше чинили инструменты, теперь висела льняная рубашка с ценником, за который Самуэль Кац, вероятно, починил бы несколько десятков отвёрток.

Анна сфотографировала фасад для рабочих записей. Поставила возле адреса отметку «не подтверждено на месте» и позвонила управляющей компании.

Сотрудница обещала уточнить, остались ли документы о прежних арендаторах. Ответа до конца дня не было. Анна успела пожалеть, что поехала, потом напомнила себе: по телефону она получила бы ту же информацию, но не увидела бы боковой вход и старую лестницу вниз, сохранившуюся со времени газетной фотографии.

Ривера говорил, что относил инструмент не в торговую часть, а в подвал. Там Кац держал верстак. В показаниях это тоже было. Магазин мог сменить десяток владельцев, но дверь в подвал оставалась.

Джон прислал сообщение: «Нашёл сына. Аарон. Хочет сначала понять, что нам нужно. Позвони после четырёх». Ни слова о том, что Анна зря ходила к продавщице.

Аарон Кац предложил встретиться на следующий день в кофейне возле своей работы. Он занимался страхованием недвижимости и не имел отношения к ремонту. Анна объяснила, что не просит его вспоминать за отца. Ищет документы, если они сохранились.

— Отец умер шесть лет назад, — сказал Аарон. — Бумаг было слишком много. Часть я оставил. Но я не знаю, что было в том деле.

— Вы помните Риверу?

— Имя помню. По газетам. Мне было шестнадцать.

— Ваш отец свидетельствовал о его инструменте.

— Значит, хотите понять, соврал ли он?

Анна посмотрела на собственное отражение в тёмном экране телефона.

— Хочу понять, когда инструмент оказался у полиции. Память свидетеля и запись приёмки могут различаться без намеренной лжи.

Он согласился посмотреть.

В кофейню Аарон пришёл с одним листом в прозрачном файле. Анна ожидала коробку или хотя бы папку и успела испытать разочарование прежде, чем он сел.

— Я не принёс всё. Сфотографировал остальное. Сначала поговорим.

Он был невысоким, в тесноватом пиджаке, который всё время поправлял на плечах. Заказал чай и спросил, будет ли имя отца в статье.

— Если мы используем его показания, возможно. Но статьи пока нет.

— Так все говорят.

— Это правда в данном случае.

Аарон развернул файл. Внутри была копия бумажной квитанции. Номер заказа, фамилия Риверы, дата, короткое описание: «Рукоятка, большая плоская». Внизу — отметка о выдаче, сделанная другим почерком.

Анна наклонилась ближе.

— Дата после убийства.

— Да.

— Кто расписался?

— Я не умею читать подпись лучше вас. Там ещё номер.

У подписи стояла короткая последовательность цифр. Над ней — «NYPD». Анна знала, что это может быть номером жетона, но не стала произносить догадку как ответ.

— Где вы это нашли?

— В папке про суд. Мама всё собрала, когда отца вызвали. Он ничего не понимал в этих бумагах.

— Оригинал сохранился?

— У меня копия из их папки. А это копия той копии. Оригинальные квитанции были в книгах мастерской. Какие-то книги ещё есть у тёти в гараже.

Анна сфотографировала лист с разрешения Аарона. Отметила, что источник — семейная папка, происхождение конкретной копии не установлено. Отправить её Джону захотелось немедленно, но она дождалась окончания разговора.

— На суде отец не говорил, что инструмент забрала полиция, — сказала она.

Аарон пожал плечами.

— Тогда спрашивали, приносил ли Ривера отвёртку и мог ли забрать её до убийства. Отец сказал, что приносил, а про второе не помнит. Я прочёл распечатку вчера. Больше там не нашёл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.